

Уничтожающий смех

Премурый Амос Федорович спрашивает в предпоследней сцене «Ревизора»:

— Как же это, господи? Как это, в самом деле, мы так оплошали?

Вопрос естественный. Но никто в комедии ответа на него не дает. А ответ ясен. Оплошили, повернули болтунам Бобчинскому и Добчинскому, потому что смертельно перепугались, видя в панкую, потерявши всякое чувство реального, сокольку пришли за важного человека. Но откуда же такой всеобщий панический переполох?

Можно подумать: чиновники испугались, что откроются все их грехи и преступления. Но, пожалуй, только у городничего были основания бояться, что обнаружится растрата сумм, предназначенных на первоксы. Что же касается того, что он брал взятки, выскакивая из-за столбов, то все это, по понятиям того времени, решительно ничем. А Бобчинский с Добчинским даже и не чиновники.

Меж тем перенялись все чиновники не чиновники, их жены, их дочери та, словно в дверях неожиданно предстал перед ними не жандарм от ревизора, а вестник смерти, конца.

И действительно, принес конец им всем. Такова знаменитая немая сцена, которой Гоголь придал исключительное значение. Это не временное замешательство в последней сцене, даже не столбняк, который проходит. Это — конец. Вся группа «остается в окаменении» — так сказано в авторской ремарке. Она не оживает и не может ожидать.

Обреченностю — вот что скрыто в страхе чиновников, чувствующих, что на них надвинулось нечто грозное, непонятное, необычное, перед чем недействительны привычные средства. Та же обреченностю, кстати, есть и в финале первого тома «Мертвых душ», где всеобщая растерянность губернских чиновников, вызванная слухами о продаже «мертвых душ», никак не может быть объяснена ожиданием приезда генерал-губернатора. Прокурор даже не вынес тягостного чувства этой обреченностии и помер. И в «Мертвых душах» подготовляется такой же конец, как и в «Ревизоре». Царство Чичиковых и Собакевичей должно «провалиться» или окажется.

Когда чиновники увидели, что опростоволосились, что Хлестаков не «настоящий», то все они смеялись над городничим. Сто с лишним лет назад смеялись чиновники на сцене, смеялся чиновники в партере, смеялся царь Николай I в своей ложе, смеялись купцы — те же Абдуллыны в ярусах, смеялись разночинцы на галерке и в райке. Городничий бросил чиновникам на сцене, и чиновникам в партере, и самому царю: «Чему смеетесь? над собою смеетесь!.. Эх, вы!..» Но потом застыли улыбы на окаменевших лицах, а еще прошли десятилетия, и застыли смех на лицах зрителей из партера, и на лицах прямых потомков. Смешная комедия обернулась, как революционная.

Мы находим у Маркса замечательные слова о социально-историческом значении комедии и веселого смысла. Он писал в работе «К критике гегельской философии права»: «История действует основательно и проходит через множество фазисов, когда находит в могилу устарелую форму жизни. Последний фазис всемирно-исторической формы есть ее комедия... Зачем так движется история? Затем, чтобы человечество смеялось расставалось со своим прошлым. Этого веселого исторического назначения мы требуем для политических властей Германии». Маркс писал о порядках полусоюзной Германии: «...надо заставить писать эти окаменевые порядки, напевая им свои собственные мелодии! Надо, чтобы народ испугался себя самого, чтобы выразить в нем отвагу».

То веселое всемирно-историческое значение, которого Маркс требовал для окаменевшей Германии, Гоголь осуществил для крепостнической России. Он заставил писать порядки и людей крепостнической России. Русские передовые люди рассмеялись над перетрущими чиновниками, — это было начало освобождения от страха перед чиновниками.

Д. ЗАСЛАВСКИЙ

Смех Гоголя не умолкает и в наши дни, потому что мы — современники последнего фазиса всемирно-исторической формации капитализма. Она ликвидирована в нашей стране, где, впрочем, еще бродят пережитками капиталистической тени Антона Антоновича, Амоса Федоровича, а за них — виртуозы и тени Бобчинского и Добчинского. Но когда в США, в Англии, во Франции мы наблюдаем, как меются в панике и полной растерянности городничие всяких рангов, как боятся буржуазное общество близкого будущего, как лгут в исполнении Ноздрева капиталистической печати, — пред нами последние действие «Ревизора». Мы видим, как действует по приказу агрессоров Лермонтова в Нью-Йорке, Париже, Риме, как доказывается шпиония, нет ли некоего «инкогнито», мы слышим, как главари международной реакции в бесчинстве шлют проклятия всем «клиберам», потрясатель основ, всем «бумагомаракам», разоблачающими империализм и агрессию в печати, независимой от капиталистов. «Узлом был всех завязал, — кричит в ярости американский сенатор, — в муку бы стер все, да чорту в подкладку! в шапку тулу!..» И блет каблуком в пол разъяренный американский сенатор и кулаком сует в направлении воображаемых коммунистов, и если мог бы, действительно в муку стер и Советский Союз, и страны народной демократии, и весь китайский народ.

Обреченностю старого мира, давно ставившего в самых основах своих, делает сатирика Гоголя, его смех глубоко современным. Всем деятелям империализма, столь задорным, столь воинственным, предстоит — рано или поздно — разыграть последнюю сцену из «Ревизора», окаменеть, как окаменели парские чиновники на сцене со с лицом лет назад, как провалились они в небытие в России тридцать четыре года назад, как исчезли и исчезают в ряде стран в настящее время. Буржуазное общество томится предчувствиями конца. Это — в их политике авантюризма, лишенной разума. Это — в их философии смертников, в литературе и в искусстве полного распада. Они боятся всякого широка за степной. Они ждут, что вот-вот откроется дверь и явится на пороге страшный ревизор лице народа-судьи. Они бледнеют, приходят в исполнение, паникуют, когда слышат слова: революция, коммунизм. И в этом состоянии они способны не только на величайшие глупости, но и на огромнейшие преступления.

Смешные и вместе с тем чудовищные образы гоголевской сатиры сохраняют свою жизненность. Они нужны нам. Мы можем объяснить нашим детям, что такое частносотнистическая политика, что такое наханская, что такое скучность и жаждость, что такое буржуазия... Они поймут, но никто из них никогда не видел живого капиталиста, помещика, ростовщика. Никто из них не может представить себе воинично американского Моргана, или генерала Рилькюза, или журналиста из «Нью-Йорк Таймс». Мы говорим: это Чичиков, ставший премьер-министром или государственным секретарем, — и все ясно. Это Собакевич, командующий Западной Европой под именем Гарримана. Это Держиморда, свирепствующий в Корее под именем Рилькюза. Это Ноздрев, взявшийся за перо и пишущий такие небылицы о Советском Союзе, которые не только не имеют подобия с правдой, но вообще не с чем не имеют подобия. Что такое скучность? Плюшкин. Что такое тупость? Короцюка. Что такое бюрократизм? Полковник Кашеваров. Что такое беспричинность под маской благодушия? Манилов.

Гоголь воспитывает поколения за поколениями своим веселым и убийственным смехом на всем, что отжило свой век, что уже окаменело по существу, но упрямо стоит на пути живого, мешая ему и дулю его. Смех Гоголя разоблачает все то, что придает себе спесивую важность извращенности, скучности, венности. Этот смех не может быть таким действенным, если бы не питался сознанием великой силы народной, если бы не родили его светлые источники любви к народу своему, вера в его великое будущее, в его торжество над миром наханов, бесчестия, насилия, произвола.

Когда в октябре 1917 года растерявшаяся, озлобленная, поглупневшая русская буржуазия оглянулась, она увидела в чреве своего «Ревизора»: рабочий класс, партию большевиков, социализм.

О ЯЗЫКЕ ГОГОЛЯ-САТИРИКА

Гоголь стремился к тому, чтобы в его творчестве живое и меткое слово отражало, «как в зеркале, предмет».

Акад. В. ВИНОГРАДОВ

сопоставлены и слиты в один обобщенный образ два разных значения глагола «звать» — звать и разевать рот.

Каламбур в языке Гоголя бывает связан также с возрождением образного или первоначального значения в слове. Почти всегда это прием служит для обострения и подчеркивания комического несоответствия или комической несхожести. Например: «Деревня Маникова немногих могла заманить своим местоположением».

Но, пожалуй, самым острым и различным приемом каламбура является прием слияния омонимов (т. е. слов разных, но совпадающих по своей звуковой форме) или неожиданной замены одного слова другим — омонимичным.

Так, в «Мертвых душах», защищая свободу художественного употребления в языке Гоголя является приемом слияния омонимов (т. е. слов разных, но совпадающих по своей звуковой форме) или неожиданной замены одного слова другим — омонимичным.

Так, в «Мертвых душах», защищая свободу художественного употребления любого народного слова, автор обрушивается на антинародный жаргон так называемого «высшего общества»: «...если слово из узлы попало в книгу, не писатель виноват, виноваты читатели, и прежде всего читатели высшего общества: от них первых не усыпили ни одного порядочного русского слова, а французскими, немецкими и английскими они, пожалуй, наследили в таком количестве, что и не захочешь... Вот каковы читатели высшего сословия, а за ними и все причитающие себя к высшему сословию! А между тем какая взыскательность! Хотят непременно, чтобы все было написано языком самых строгих, очищенных и благородных... словом, хотят, чтобы любой народный, — словом, опустился вдруг с блоков, обработанных как следует, и сел бы им прямо на язык, а им бы больше ничего, как только разинуть рот да выставить его! Так в результате каламбура из узлы попало в книгу, не писатель виноват, виноваты читатели, и прежде всего читатели высшего общества: от них первых не усыпили ни одного порядочного русского слова, а французскими, немецкими и английскими они, пожалуй, наследили в таком количестве, что и не захочешь... Вот каковы читатели высшего сословия, а за ними и все причитающие себя к высшему сословию! А между тем какая взыскательность! Хотят непременно, чтобы все было написано языком самых строгих, очищенных и благородных... словом, хотят, чтобы любой народный, — словом, опустился вдруг с блоков, обработанных как следует, и сел бы им прямо на язык, а им бы больше ничего, как только разинуть рот да выставить его! Так в результате каламбура из узлы попало в книгу, не писатель виноват, виноваты читатели, и прежде всего читатели высшего общества: от них первых не усыпили ни одного порядочного русского слова, а французскими, немецкими и английскими они, пожалуй, наследили в таком количестве, что и не захочешь... Вот каковы читатели высшего сословия, а за ними и все причитающие себя к высшему сословию! А между тем какая взыскательность! Хотят непременно, чтобы все было написано языком самых строгих, очищенных и благородных... словом, хотят, чтобы любой народный, — словом, опустился вдруг с блоков, обработанных как следует, и сел бы им прямо на язык, а им бы больше ничего, как только разинуть рот да выставить его! Так в результате каламбура из узлы попало в книгу, не писатель виноват, виноваты читатели, и прежде всего читатели высшего общества: от них первых не усыпили ни одного порядочного русского слова, а французскими, немецкими и английскими они, пожалуй, наследили в таком количестве, что и не захочешь... Вот каковы читатели высшего сословия, а за ними и все причитающие себя к высшему сословию! А между тем какая взыскательность! Хотят непременно, чтобы все было написано языком самых строгих, очищенных и благородных... словом, хотят, чтобы любой народный, — словом, опустился вдруг с блоков, обработанных как следует, и сел бы им прямо на язык, а им бы больше ничего, как только разинуть рот да выставить его! Так в результате каламбура из узлы попало в книгу, не писатель виноват, виноваты читатели, и прежде всего читатели высшего общества: от них первых не усыпили ни одного порядочного русского слова, а французскими, немецкими и английскими они, пожалуй, наследили в таком количестве, что и не захочешь... Вот каковы читатели высшего сословия, а за ними и все причитающие себя к высшему сословию! А между тем какая взыскательность! Хотят непременно, чтобы все было написано языком самых строгих, очищенных и благородных... словом, хотят, чтобы любой народный, — словом, опустился вдруг с блоков, обработанных как следует, и сел бы им прямо на язык, а им бы больше ничего, как только разинуть рот да выставить его! Так в результате каламбура из узлы попало в книгу, не писатель виноват, виноваты читатели, и прежде всего читатели высшего общества: от них первых не усыпили ни одного порядочного русского слова, а французскими, немецкими и английскими они, пожалуй, наследили в таком количестве, что и не захочешь... Вот каковы читатели высшего сословия, а за ними и все причитающие себя к высшему сословию! А между тем какая взыскательность! Хотят непременно, чтобы все было написано языком самых строгих, очищенных и благородных... словом, хотят, чтобы любой народный, — словом, опустился вдруг с блоков, обработанных как следует, и сел бы им прямо на язык, а им бы больше ничего, как только разинуть рот да выставить его! Так в результате каламбура из узлы попало в книгу, не писатель виноват, виноваты читатели, и прежде всего читатели высшего общества: от них первых не усыпили ни одного порядочного русского слова, а французскими, немецкими и английскими они, пожалуй, наследили в таком количестве, что и не захочешь... Вот каковы читатели высшего сословия, а за ними и все причитающие себя к высшему сословию! А между тем какая взыскательность! Хотят непременно, чтобы все было написано языком самых строгих, очищенных и благородных... словом, хотят, чтобы любой народный, — словом, опустился вдруг с блоков, обработанных как следует, и сел бы им прямо на язык, а им бы больше ничего, как только разинуть рот да выставить его! Так в результате каламбура из узлы попало в книгу, не писатель виноват, виноваты читатели, и прежде всего читатели высшего общества: от них первых не усыпили ни одного порядочного русского слова, а французскими, немецкими и английскими они, пожалуй, наследили в таком количестве, что и не захочешь... Вот каковы читатели высшего сословия, а за ними и все причитающие себя к высшему сословию! А между тем какая взыскательность! Хотят непременно, чтобы все было написано языком самых строгих, очищенных и благородных... словом, хотят, чтобы любой народный, — словом, опустился вдруг с блоков, обработанных как следует, и сел бы им прямо на язык, а им бы больше ничего, как только разинуть рот да выставить его! Так в результате каламбура из узлы попало в книгу, не писатель виноват, виноваты читатели, и прежде всего читатели высшего общества: от них первых не усыпили ни одного порядочного русского слова, а французскими, немецкими и английскими они, пожалуй, наследили в таком количестве, что и не захочешь... Вот каковы читатели высшего сословия, а за ними и все причитающие себя к высшему сословию! А между тем какая взыскательность! Хотят непременно, чтобы все было написано языком самых строгих, очищенных и благородных... словом, хотят, чтобы любой народный, — словом, опустился вдруг с блоков, обработанных как следует, и сел бы им прямо на язык, а им бы больше ничего, как только разинуть рот да выставить его! Так в результате каламбура из узлы попало в книгу, не писатель виноват, виноваты читатели, и прежде всего читатели высшего общества: от них первых не усыпили ни одного порядочного русского слова, а французскими, немецкими и английскими они, пожалуй, наследили в таком количестве, что и не захочешь... Вот каковы читатели высшего сословия, а за ними и все причитающие себя к высшему сословию! А между тем какая взыскательность! Хотят непременно, чтобы все было написано языком самых строгих, очищенных и благородных... словом, хотят, чтобы любой народный, — словом, опустился вдруг с блоков, обработанных как следует, и сел бы им прямо на язык, а им бы больше ничего, как только разинуть рот да выставить его! Так в результате каламбура из узлы попало в книгу, не писатель виноват, виноваты читатели, и прежде всего читатели высшего общества: от них первых не усыпили ни одного порядочного русского слова, а французскими, немецкими и английскими они, пожалуй, наследили в таком количестве, что и не захочешь... Вот каковы читатели высшего сословия, а за ними и все причитающие себя к высшему сословию! А между тем какая взыскательность! Хотят непременно, чтобы все было написано языком самых строгих, очищенных и благородных... словом, хотят, чтобы любой народный, — словом, опустился вдруг с блоков, обработанных как следует, и сел бы им прямо на язык, а им бы больше ничего, как только разинуть рот да выставить его! Так в результате каламбура из узлы попало в книгу, не писатель виноват, виноваты читатели, и прежде всего читатели высшего общества: от них первых не усыпили ни одного порядочного русского слова, а французскими, немецкими и английскими они, пожалуй, наследили в таком количестве, что и не захочешь... Вот каковы читатели высшего сословия, а за ними и все причитающие себя к высшему сословию! А между тем какая взыскательность! Хотят непременно, чтобы все было написано языком самых строгих, очищенных и благородных... словом, хотят, чтобы любой народный, — словом, опустился вдруг с блоков, обработанных как следует, и сел бы им прямо на язык, а им бы больше ничего, как только разинуть рот да выставить его! Так в результате каламбура из узлы попало в книгу, не писатель виноват, виноваты читатели, и прежде всего читатели высшего общества: от них первых не усыпили ни одного порядочного русского слова, а французскими, немецкими и английскими они, пожалуй, наследили в таком количестве, что и не захочешь... Вот каковы читатели высшего сословия, а за ними и все причитающие себя к высшему сословию! А между тем какая взыскательность!

Гоголь, прочитанный впервые

С. МАРШАК

Гоголь неразлучен с нами всю жизнь. Мы знакомимся с ним в годы нашей ранней юности, и первое впечатление от этого знакомства остается у нас в памяти навсегда, уживаясь с более сложными впечатлениями зрелых лет.

И как это хорошо, что мы узнаем Гоголя в разную пору жизни, когда каждая страница книги равнодушна пережитому событию, когда мы умеем громко смеяться, замирать от страха, а подчас и плачать над книгой, когда быстрое наше воспроизведение опережает мелькающие перед глазами строчки.

«Сочинения Н. В. Гоголя» — одна из первых книг, заставляющих нас испытать самые разнообразные чувства и ощущения. С жадным интересом перелистываем мы «Вечера на хуторе» и «Миргород» — и там отчетливо видим перед собой синие и черные брови «уторочных красавиц», о которых у Гоголя сказано, в сущности, так немного, видим длинные, опущенные барабаны, в которых